

НАРОДНЫЕ ЕРЕТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ В АНГЛИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ 50-х гг. XVII в.

The article focuses on the activity of people's heretical sects constituting radical left branch of the opposition to Cromwell's protectorate, and evolution of their dogmatics and religious practice in the conditions of repressive political regime of the 1650s.

Активизация политической жизни и вовлечение в нее широких демократических слоев общества, ранее к политике индифферентных, – один из важнейших результатов английской революции 40-50-х гг. XVII в. Указанное обстоятельство объясняется разочарованием в деятельности индипендентской республики «людей низшего сорта», «презренной части человечества» [4, 1658-1659, р. 358]. Именно из их среды рекрутировались народные еретические секты, составлявшие крайне левое крыло оппозиции протекторату.

Согласно Эдвардсу, автору антисектантского трактата «Гангрена», в Англии в период революции функционировало 199 наименований различных сект [10, р. 15]. Наиболее дееспособными из них в 1653-1658 гг. являлись люди Пятой монархии и квакеры. Прочие секты были либо разгромлены в предшествующий период, а их члены поглотились двумя вышеназванными организациями, либо не представляли существенной угрозы режиму военной диктатуры в силу малочисленности, раздробленности, умеренности учений. Часть из них пользовалась официальной терпимостью, закрепленной «Орудием управления» – конституцией протектората.

Характерно, что до 1649 г. сектантское движение развивалось в рамках левеллеровского. После разгрома выступлений партии политических уравниателей в 1649 г. можно говорить о всплеске собственно сектантского движения, не связанного организационно с левеллерами. Полная же секуляризация сектантского движения, выражавшего интересы плебейского лагеря в революции, от левеллеровского, мелкобуржуазного в своей основе, произошла к моменту установления военной диктатуры Кромвеля. Этому обстоятельству способствовал факт деморализации партии политических уравниателей, выразившийся в том, что одни из ее руководителей во имя общей борьбы с «узурпатором» пошли на заключение беспринципного союза с роялистами, другие, разочаровавшись в политической борьбе, примкнули к пацифистам-квакерам.

В частности, полковник Э. Сексби, единственный из лидеров английских демократов, которому после неуспеха шотландского восстания 1654 г. удалось избежать ареста, в течение всего 1655 г. вел переговоры с министрами Карла II и испанским двором. В силу ряда причин план совместных действий реализовать не удалось. Разочаровавшись в возможности конкретного соглашения с роялистами, Э. Сексби превратил идею убийства Кромвеля в самоцель. Желая заручиться поддержкой общественного мнения, он написал памфлет «Умерщвление – не убийство» [11]. Дискуссия о престолонаследии и реставрации королевского титула, развернувшаяся в октябре 1656 г., создавала благоприятные условия для осуществления поставленной задачи. Она способствовала превращению всех недовольных идеей восстановления монархии в потенциальных сторонников тираноубийства. Цель, которую преследовал автор, состояла в обосновании правомерности и благотворности убийства Кромвеля. Памфлет начинался с обращения к лорду-протектору: «Благо, которое Вы принесете смертью, несколько уравновесит то зло, которое Вы сотворили при жизни... Ускорить наступление этого блага есть главная цель моей записки, и если она достигнет этой цели, то Ваше Высочество скоро окажется вне достижения злобы людской, и враги Ваши смогут уязвить только Вашу память, а не Вас самих» [11, р. 277]. Как политическое оружие памфлет оказался безрезультатным: 8 мая 1657 г. Кромвель официально отказался от короны.

Приведенный пример, будучи одним из многих, доказывает, что в условиях режима военной диктатуры левеллеры как политическая партия прекратили существование. В 1654-1658 гг. продолжали действовать лишь отдельные ее представители. Основной формой борьбы они избрали индивидуальный террор. Как справедливо отмечал Д. Андердаун, «в 1653-1658 гг. партия левеллеров была мертва: она представляла голову без тела» [15, р. 192].

Второй путь, по которому эволюционировала партия политических уравниателей, – организационное и идейное слияние ее членов с милленариями. Со времени разгона Малого парламента последние перешли с позиции поддержки Кромвеля в оппозицию режиму протектората. В 1654 г. из этих кругов вышел документ под названием «Тираны и протекторы, выставленные в подлинном свете, или Различие между хорошим и плохим правительством», подписанный инициалами Ф.П. [14]. В нем давалась критика тиранического правительства как «правительства дьявольского и действующего с беспощадностью зверей». Автор приводил многочисленные исторические примеры, свидетельствовавшие об обреченности тиранов. Надежду на облегчение участи народа он возлагал на Бога, который сделает людей орудием своей воли и низвергнет тиранов [14, р. 23-24]. Несмотря на очевидную милленарийскую направленность памфлета, его отдельные черты свидетельствуют о принадлежности автора в прошлом к левеллерам. Характерно в этом отношении обращение к читателю: «От тирании стонет земля, тиран есть воплощение дьявола... но всякое правительство лучше, чем никакое, тирания лучше, чем анархия» [14, р. 1].

Упадок левеллеровского движения вызвал активизацию плебейского лагеря, выразителем интересов которого стали народные еретические секты. Как отмечал О. Вулрич, «движение за правительство «святых» как

преддверие тысячелетнего царства Христа на земле стало набирать силу тогда, когда борьба за правительство, основанное на принципе естественного права, потерпела поражение» [16, р. 62].

В религиозной идеологии левых радикальных сект, функционировавших в период протектората, много общих черт. Почти все они противопоставляли свое учение ортодоксальному кальвинизму, основанному на доктрине предопределения, согласно которой спасение будет даровано по Божьей воле лишь немногим, тогда как большинство обречено на вечные муки и проклятие еще до рождения. Сектанты расширили возможности к спасению, провозгласив, что «Христос принял смерть за все человечество, что для спасения достаточно веры и желания спастись» [9, р. 13]. Допуская святость и избранность всех людей, они полагали, что все в равной степени квалифицированы для правления.

Центральным пунктом идеологии народных еретических сект в Англии было ожидание миллениума: очень многие верили, что в середине 50-х гг. XVII в. Антихрист будет низвергнут, произойдет второе пришествие и настанет «тысячелетнее царство Христово». Вера в неизбежный приход тысячелетнего царства, которое будет царством социальной справедливости, получила распространение в Англии в благоприятных условиях 40-50-х гг. XVII в. как естественная реакция на «...те незначительные блага, которые парламентская победа принесла непривилегированным слоям общества» [9, р. 17].

Социальный состав сектантов за годы протектората не претерпел существенных изменений. Ими были в основном батраки, коттеры, подмастерья, солдаты, мелкие лавочники, ремесленники. Все эти группы проповедовали отмену государственной церкви и десятины, свободу совести и невмешательство государства в дела религии. Ими категорически отвергался институт профессионального духовенства и выдвигалось требование предоставить любому человеку, услышавшему «внутренний зов», право проповеди. Это не случайно, так как в XVII в. проповедь была основным инструментом распространения не только религиозных, но также политических и социальных идей. Поэтому свобода проповеди в контексте XVII столетия означала свободу слова и пропаганды.

Наибольшей активностью и непримиримостью взглядов в 1653-1656 гг. характеризовалась деятельность секты людей Пятой монархии. Ее сторонники основывали свое учение на книге порока Даниила, предсказывавшего появление и падение одного за другим четырех царств, после чего власть перейдет к Христу и его святым (к последним они причисляли себя). Политическое господство военных, возглавлявшихся Кромвелем, расценивалось адептами секты как завершающий этап Четвертого царства, разрушение которого – долг миллениариев.

Сущность их взглядов на политическое устройство Англии была изложена во время беседы вождей движения – Гаррисона, Рича и Кэрю – с Кромвелем, состоявшейся 16 февраля 1655 г. Правительство было заклеймено ими как «антихристово» и «преддверие Вавилона», а потому безбожное и незаконное. Исходя из указанного положения, они сформулировали вывод о правомерности его ниспровержения посредством вооруженной силы. Их главный аргумент против существующего политического порядка состоял в том, что в Англии «функционирует парламент, власть в котором происходит не от Бога, а от людей, тогда как принадлежать она может только Иисусу Христу». При этом Кэрю подчеркнул, что Кромвель, разогнав Малый парламент, «снял корону с головы Христа и возложил ее на себя». Многочисленные упреки лидеры миллениариев высказали непосредственно в адрес лорда-протектора: он не пресек взимание десятины; обещав основать республику «без короля и лордов», нарушил клятву, присвоив себе королевские prerogatives [5, р. XXXIV-XXXVII, 244].

Критика в адрес лорда-протектора и нескрываемая враждебность к его личности характеризовали выступления всех проповедников секты. В. Поуэлл отзывался о протекторе как о «гносном подлеце», «обманом и лестью захватившем власть». Дж. Роджерс к пастве обращался со словами: «О черный Уайтхолл! Он смердит серой Содомы и дымом бездонной западни! Господне проклятие тяготеет над домом и семьей величайшего преступника... Люди проливали кровь за Иисуса Христа и установление его царства; но то, что завоевано столь дорогой ценой, отобрано у нас силой. Мы ограблены, а путь Христа превратился в путь человека». Миллениарии указывали на специфически военный характер правления, подчеркивали, что опорой нового режима и источником абсолютной власти протектора является армия: «А не достаточно ли твоей длинной шпаги и армии, чтобы сокрушить парламент и делать все, что угодно?» – вопрошал Кромвеля Дж. Роджерс [4, 1653-1654, р. 306].

Вторая характерная черта миллениарийских проповедей – призыв к вооруженной борьбе с правительством. Предрекая неизбежное наступление тысячелетнего царства, люди Пятой монархии полагали необходимым своими руками обеспечить условия для его победы: разрушить государство, церковь, низвергнуть протектора. Для обоснования этого вывода достаточно проанализировать обвинения Кромвеля в адрес руководителей секты. Гаррисон обвинялся в антиправительственной пропаганде и подстрекательстве к вооруженному восстанию; Кэрю расценивался как сообщник Гаррисона «в этом пагубном деле», неоднократно пытавшийся «совратить некоторых высших офицеров, склоняя последних к отказу от присяги верности протектору и правительству»; Рич обвинялся в уклонении от уплаты налогов; Коуртни – в подстрекательстве жителей Норфолка к восстанию [5, р. 242].

Нонконформизм, открыто демонстрируемая враждебность режиму были характерны в первую очередь для вождей движения. Среди рядовых членов секты к 1656 г. обнаружилась противоположная тенденция. Репрессивная деятельность правительства, разочарование в возможности скорого пришествия Христа, усталость от перманентной безрезультатной борьбы привели к отходу от миллениариев многих их

приверженцев. Характерным явлением стал переход милленариев в ряды квакеров. От основных принципов учения отрекся руководитель секты в Уэльсе В. Поуэлл. К 1656 г. центр движения переместился из Норфолка в Лондон. Однако и здесь, по данным тайной полиции, количество сектантов резко сократилось, а само движение раскололось на фракции. В июле 1656 г. между группировками милленариев было заключено соглашение: признано «необходимым и без дальнейших проволочек поднять меч для разрушения Вавилона... и упразднения всех королей» [13, v. IV, p. 320, 581, 687].

План восстания, предполагавший совместную акцию с парламентскими республиканцами, был заранее обречен на неудачу из-за принципиального несоответствия программ последующего переустройства общества. Республиканцы настаивали на реставрации Долгого парламента, у милленариев конструктивные предложения вообще отсутствовали. Осознание сектантами уязвимости своих позиций, состоявшей в отсутствии позитивной программы реконструкции Англии, привело к созданию декларации, известной под названием «Поднятый штандарт» [1].

Документ начинался с перечисления недавних событий, с похвалой отзывался о деятельности Малого парламента и расценивал его «самороспуск» как акт насилия со стороны Кромвеля и офицерства. Далее «Манифест» излагал взгляды милленариев на государство. Единственным верховным правителем страны, в руках которого должна сосредоточиваться законодательная власть, объявлялся Иисус Христос. Книги «Священного писания» квалифицировались как проявление этой власти: «в них изложен закон божеский, к которому должны применяться все земные». Для управления страной в духе Христа надлежало сформировать Синедрион из лучших людей – «людей разума и добродетели». Таковые подлежали избранию лицами, «озаренными светом Христовым», «святыми». Законодательные полномочия Синедриона жестко лимитировались: они сводились к применению закона, изложенного в Писании, и согласных с ним распоряжений. На Синедрион возлагались также административные и судебные функции и командование вооруженными силами. «Поднятый штандарт» подчеркивал, что Синедрион не может посягать на основные права, признанные за каждым человеком в форме особого соглашения, каковыми являются «свобода и собственность». Социально-экономическая программа милленариев, рассчитанная на привлечение в ряды секты новых адептов, предполагала отмену не только акциза, но и всей существовавшей системы налогообложения, копигольда, десятины и государственной церкви [1].

Как следует из изложенного, милленарии не являлись сторонниками экономического и политического равенства. Власть в конструируемом ими теологическом государстве должна была принадлежать не всему народу и его избранникам, а Христу и его «праведникам», т.е. таким лицам из их собственной среды, поведение которых соответствовало бы требованиям, предъявлявшимся к доброму анабаптисту. Представляется ограниченной и их социально-экономическая программа: поднимая вопрос о ликвидации копигольда, они обходили молчанием проблему помещичьего землевладения.

К 1657 г. в секте обнаружили существенные разногласия по одному из принципиальных доктринальных пунктов – по вопросу о правомерности и законности сопротивления силой. Гаррисон, Роджерс и Кэрю заняли негативную позицию. В итоге заговорщики, предпринявшие попытку поднять восстание 9 апреля 1657 г., оказались в меньшинстве.

Уже 11 апреля 1657 г. государственный секретарь и шеф тайной полиции Дж. Терло доложил об обнаружении заговора и его пресечении. При этом он подчеркнул: «Численность и звание лиц, которые приняли участие в восстании, были в действительности очень низки и, в сущности, не заслуживают даже упоминания», однако повстанцы проявляли абсолютную уверенность в поддержке их движения «многими тысячами горожан и ожидали восстания сельских жителей» [13, v. VI, p. 184-186]. Таким образом, пик влияния милленариев миновал еще в 1653 г. Показателем упадка влияния секты стал отход от ведущего догматического принципа – активного вооруженного сопротивления правительству – многих ее адептов.

Характерным явлением во второй половине 50-х гг. XVII в. стал переход милленариев, впрочем, как и членов других сект, в ряды квакеров. Дневник руководителя «Общества друзей» пестрит описаниями того, как «великое множество людей обращалось в истинную веру» [12, p. 166, 171, 177, 183]. Большинство исследователей трактует учение и практику квакеров как радикальные и демократические [7, p. 195; 9, p. 18]. Об этом свидетельствуют и многочисленные факты расправ, учинявшиеся над квакерами «благонамеренными жителями», разгонявшими митинги сектантов, забрасывавших их камнями, срывавшими с их голов шляпы [12, p.165-166, 178].

Религиозные воззрения секты, наиболее полно выраженные основателем «Общества друзей» Дж. Фоксом и его соратником Э. Бэрроу, основывались на понимании Бога как всемирной истины и любви. Они полагали, что каждый без посредничества Священного писания и Церкви может войти в непосредственное общение с Богом, открыв сердце «внутреннему свету Христа», что все люди, независимо от нации, пола, расы, социального положения, равны. Хилиазм квакеров также имел социальную окраску: ожидание второго пришествия Христа, в их понимании, должно быть исполнено активности. Главную цель своей жизни Фокс и его последователи видели в том, чтобы переделать существующий мир и людей соответственно «духу Христа» с тем, чтобы общество на земле уподобилось царствию небесному. «Помните, – говорил Фокс, – что Бог внутри вас. Стойте за благо вашего народа. Уничтожайте всякое угнетение и устанавливайте справедливость для всех» [2, p. XLII].

Одной из ведущих максим квакерского учения был принцип соблюдения мира во что бы то ни стало. Фокс сформулировал его в письме Кромвелю, где прямо заявил: он в принципе против применения оружия.

«Мое оружие не материально, оно духовно, а мое царствие находится не здесь», – подчеркивал руководитель квакеров [12, р.128]. Проблема формы правления «друзей» оставалась равнодушными, они не ввязывались в дискуссии о реставрации королевского титула. Их идеалом было теократическое государство, в котором верховным сувереном являлся бы Бог. Земным же правителем мог быть кто угодно – «король, парламент или протектор – важно, чтобы он повиновался законам всевышнего» [3]. Социальные воззрения сектантов близки программе диггеров: из доктрины естественного равенства людей перед Богом они выводили необходимость имущественного равенства.

В квакерстве 50-х гг. XVII в. отчетливо выделялись две тенденции – рантерская, возглавлявшаяся Дж. Нейлором, и умеренная, лидером которой был Дж. Фокс. В первый период протектората ведущие позиции принадлежали рантерской тенденции. На близость доктрин рантеров и квакеров неоднократно указывали современники. Т. Коллиер писал в 1657 г.: «Каждый, кому известно учение рантеров, признает его идентичность с квакерским... Единственное различие между ними состоит в том, что квакеры преподносят его с большей осторожностью. Однако оба учения полны непристойностей» [6].

Взгляды рантеров с большим трудом поддаются описанию. К. Хилл, авторитетный британский специалист в области изучения религиозного и политического экстремизма периода английской революции, высказывает сомнение в самом факте существования рантерской организации, полагая возможным говорить о рантеризме как об организационно не оформленном движении. Он акцентирует внимание и на отсутствии у рантеров признанного лидера и теоретика [7, р. 163]. Известно, что рантеры имели множество приверженцев среди молодежи, которую привлекали призывы к освобождению от бремени прошлого, отрицание любой иерархии. Обычно рантеры собирались в питейных заведениях, где употребляли большие дозы табака и алкоголя, приводившие их в состояние экстаза. На рантерских сборищах танцевали и пели (часто «кощунственные песни»). Рантеры вообще нередко прибегали к богохульству, означавшему для них освобождение от традиционной морали. Рантеры отвергали загробную жизнь и посмертное воздаяние, традиционную мораль, противопоставляя ей обожествление плоти, культ «земных радостей», ратовали за равенство и братство всех людей.

Среди рантерских проповедников имелись значительные разногласия. В частности, К. Хилл в рантеризме выделяет умеренное, мистико-теологическое крыло, и экстремистскую фракцию, которая в своем антиномианизме доходила до «преодоления греха путем греха», апологии пьянства, прелюбодеяния и воровства. Общей основой, объединявшей рантеров в единое движение, было убеждение, что Бог существует в человеке и в материальных объектах – «столько же в листе плюща, сколько и в самом славном ангеле», – убеждение, которое на практике могло вести как к здоровому плебейскому материализму, так и к мистическим выводам [9, р. 17].

В политическом отношении взгляды рантеров были эгалитарными: обычно они называли друг друга «собрат-существо», а авторы-рантеры обнаруживали явную тенденцию к наивному коммунизму [9, р. 17]. Уравнительство в понимании рантеров было сопряжено «с гораздо более значительным социальным сдвигом, нежели политические изменения, отстаиваемые Лильберном и его сподвижниками, или весьма ограниченные предложения Уинстенли относительно совместного возделывания пустошей и общинных земель» [9, р. 87]. Уравнительство рантеров, по мнению А.Мортонна, «...было связано со страстным обличением богатых и с примитивным типом коммунизма, восходившим и к ранней апостольской церкви, и к учению Дж. Болла» [9, р. 87].

Неудивительно, что рантеризм вызывал тревогу в ортодоксальных кальвинистских кругах. В последний период независимости республики на рантеров были обрушены «варварские репрессии», что привело к упадку их движения. Бывшие рантеры стали массово обращаться в квакерство. К. Хилл усматривает в этом факте одну из причин выживания квакерства: «Квакеры ... стали преемниками рантеров, поглотив политических и религиозных радикалов, бывших в прошлом левеллерами и рантерами» [7, р. 168]. Привлекательность квакерства для радикалов в то же время свидетельствовала, что этой секте в те годы не были свойственны умеренность и миролюбие поздних квакеров: «Квакер начала 50-х гг. XVII в. имел больше общего с левеллерами, диггерами или рантерами, чем с современным Обществом друзей» [7, р. 12]. Вопрос о пацифизме «Общества друзей» был тщательно исследован К. Хиллом. На основе обширного круга источников британский историк доказал, что к полному отрицанию вооруженного насилия и неучастию в политике сектанты пришли лишь в 1661 г. Радикализм ранних квакеров был обусловлен их апокалипсическими и эсхатологическими настроениями. Лидеры секты пророчествовали о суровом наказании алчных и неправедных богачей на грядущем Страшном суде. Милленарийский энтузиазм квакеров часто находил выражение в символических демонстрациях, казавшихся их противникам не менее предосудительными, чем действия рантеров.

Кульминационный пункт рантеризма в квакерстве – 1656 г. По мнению К. Хилла, «судебная расправа над Дж. Нейлором явилась трагедией для рантерской тенденции в квакерстве» [7, р. 201]. Суровое наказание вождя радикального крыла сектантов объяснялось тем, что он стоял во главе организованного движения, которое сплошным потоком захватило Англию: уже в течение двух лет продолжалась кампания «Общества друзей» по распространению своего учения на юге и востоке страны. Именно ее успешное развитие и заставило власть вынести жесткий приговор Дж. Нейлору.

Лидеры секты, приспособившись к новым условиям, стали искоренять все, что могло быть истолковано как вызов общественному мнению и порядку, т.е. то, что сближало квакеров и рантеров. С этой целью в секте

была установлена твердая власть, Дж. Фокс выполнил «титаническую» задачу дисциплинирования своих приверженцев [7, р. 202]. Недовольные его политикой покинули «Общество друзей», освободившееся, таким образом, от элементов, сочувствовавших рантерам. Секта начала быстрыми темпами эволюционировать в сторону пацифизма [8, р. 16, 54, 60].

Частичное объяснение данное явление находит в политике Кромвеля, направленной на преследование сектантов, в усилении репрессивной деятельности генерал-майоров, в непосредственном влиянии личности лорда-протектора на квакерского проповедника Дж. Фокса. Думается, что основная причина перерождения квакерства состоит в том, что оно возникло в момент поражения радикального, плебейского лагеря в революции – и как следствие этого поражения. То, что не удалось сделать левеллерам при наличии значительной массовой поддержки в период исключительной политической нестабильности, было явно не по силам группе сектантов в условиях репрессивного политического режима военной диктатуры. Представляется правильным вывод А.Л.Мортон, охарактеризовавшего квакерство как «новую стадию отступления революции» в силу того, что в лице «Друзей внутреннего света» сектантство утратило былой агрессивный радикализм и надежду на новую жизнь для всех» [9, р. 18].

-
1. A Standart set up: wherento the true seed and saints of the Most High may be gathered into one, out of their several forms: for the Lamb against the Beast, and false Prophet in this good and honorable cause... Subscribed W. Medley scribe. – L., 1657.
  2. Braithwaite W.C. The beginnings of Quakerism. – L.: Macmillan & Co, 1912.
  3. Burrough E. A Vindication of Love. – L., 1660.
  4. Calendar [of State Papers] Domestic [Series]. – L.: Longmans, Green & Co, 1879-1886. – V. 1653-1654, 1658-1659.
  5. Clarke Papers, selections from the papers of William Clarke, secretary to the council of the army, 1647-1649 to general Monk and the commanders of the army of Scotland, 1651-1660 / Ed. C.H. Firth. – L.: Longmans, Green & Co, 1899. – V. II.
  6. Collier T. A Looking-Glass for Quakers. – L., 1657.
  7. Hill C. The world turned upside down. Radical ideas during the English revolution. – NY: Viking press, 1973.
  8. Hill C. Some Intellectual consequences of the English revolution. – Madison: Univ. of Wisconsin press, 1980.
  9. Morton A.L. The world of ranters: religious radicalism in the English revolution. – L.: Lawrence & Wishart, 1979.
  10. Russell E. The history of quakerism. – NY: Macmillan & Co., 1942.
  11. Sexby E. Killing no Murder / Harleian Miscellany. – L.: T. Osborn, 1744. – V. IV. – P. 276-292.
  12. The Journal of George Fox. – Cambridge: Univ. press, 1952.
  13. Thurloe J. A Collection of State Papers of John Thurloe with a complete index to each volume by T. Birch. – L.: T. Woodward @ C.Davis, 1742. – V. IV, VI.
  14. Tyrants and Protectors – set forth in their colours, or the true difference between good and bad magistrates... By F.P. – L., 1654.
  15. Underdown D. Royalist Conspiracy in England. 1649-1660. – New Heaven: Univ. press, 1960.
  16. Woolrich O. Oliver Cromwell and the rule of the saints. – In: English civil war and after, 1642-1658 / ed. R.H. Parry. – Berkley LA: Univ. of California press, 1970. – P. 59-77.

